

ВЫСОТА ЧУВСТВА

Видному советскому писателю Виталию Александровичу Закруткину недавно исполнилось семьдесят лет. За большие заслуги в развитии советской литературы он удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина. Ниже печатается статья о творчестве Виталия Закруткина.

В ту пору поиск формы, изысканность эпитета, некий двухдунный подтекст и, главное, сотканное из всего этого настроение занимали меня больше, чем грубый вкус самой послевоенной жизни, которую познавал на улицах, в коммунальных квартирах, в шумных кулуарах Литературного института, где не утихали споры о правде, поэзии и любви, в ночных прогулках по затихшей Москве, в случайных встречах, в командировках на Урал, на далекие сибирские реки... Я проходил сквозь жизнь, и жизнь проходила сквозь меня, однако нечто литературное владело мною. Обдумывая тот или иной рассказ, мечтал создать не характер человека во всей его скорбной противоречивости, а настроение момента, что казалось мне тогда наивысшим проявлением литературного творчества.

Потом в ряду нескольких заметных после войны и отвлекающих меня книг пришлось прочитать «Кавказские записки» Виталия Закруткина, и помню, как удивили меня простота и серьезность изложения и вместе с тем как бы сдержанное свечение чувства,

исходящее от страниц. Это были записки о войне, не похожие на дневниковые заметки, это был какой-то особый жар, близкий, по тогдашнему моему ощущению, к тону правды «Севастопольских рассказов» Льва Толстого.

Когда я думаю о Виталии Закруткине, то вызывает он у меня представление о человеке крепкого и тонкого душевного склада, неторопливого, с той серьезной требовательностью к стилю своих вещей, какую следует ценить как одно из важнейших качеств современного писателя. Закруткина невозможно соблазнить ни обещанием скорого написания, ни суежливым восторгом всегда изменчивой хвалы. Он слишком серьезен для того, чтобы спешить, забыв о главном — о достоинстве мастера.

Книги Виталия Закруткина обладают притягательной силой потому, что они умно скроены и крепко сшиты, фраза, нагруженная смыслом, окрашенная разноцветно, порой звучит сдержанной тревогой, порой вонзается болезненным острием в вашу душу, порой мягка, ласкова, как летняя вода, порой мелодична, пропитана дирическим чувством,

и ее как бы можно проверить на слух. Поэтому у него нет спокойных, уравновешенных, безмятежных книг, осянанных благодатью, умилением растроганного стороннего наблюдателя, они все, книги его, от «Плавучей станицы», «Кавказских записок» до эпического романа «Сотворение мира» и пронзительной повести «Матерь человеческая» — все эти книги продукты сквоззянками времени, прожжены солнцем, охолонуты снежными выгонами революции, прострелены пулеметными очередями Великой Отечественной войны, овеваны и скорбью, и добротой, и человечностью.

Кажется мне, что художническая страстность Закруткина заложена в природе его таланта, постоянно направленного на крупные исторические или современные конфликты, выявляющие сущность людских характеров до конца. Может быть, Виталий Закруткин — один из немногих наших писателей, кто отличается особым качеством беспощадного реалиста, не умеющего смягчать трагические противоречия в дни великих испытаний народа, кто показал человека на войне не в заданной, так сказать, точке координат, а во

всей обнаженной сложности и безмерном мужестве, в непреходящих страданиях и ясной доброте.

Образ Мариц, матери человеческой, прекрасной мадонны русской, познавшей все страдания земные в лихие военные годы, прошедшей через все круги ада и сохранившей в душе огонек любви, жалости и милосердия, вырастает в характер национальный и общечеловеческий, в символ бессмертной матери, рождающей среди жестокого мира веру в жизнь, образ вырастает в символ хранительницы незабываемого очага надежды — ведь без нее, этой надежды, невозможно перешагнуть провалы и ямы, смертельно разделяющие людей в ХХ веке.

Художник, сумевший создать глобальный и очень земной образ русской женщины, многогрательной и вечной матери, вызывает к себе уважение не только потому, что отдал сдержанную, разрывающую душу нежность простой трудолюбивой женщине, на чьих плечах держится мир, но и потому, что уловил в трагических конфликтах истории, железным колесом прошедших в сороковых годах по нашей земле, таинство неиссякаемой

народной нравственности, где праведный судья и исцелитель была женщина.

Спокойная смелость в соединении с беспокойной совестью отвергает отвратительную расплывчатость морали золотой середины, «мудрое» блуждание, изощренную виртуозность разума, если художник, законодатель человеческого, собственным талантом не поверяет совесть каждого, сочувствуя, сочувствуя, смеясь, плача, радуясь, разделяя судьбу народа. Наверное, вот эта преданная близость с реальной жизнью, с землей способна объяснить влюбленность писателя в землю, в теплые ее весенние запахи, в летний текучий воздух над доносскими степями, веющий нагретой солнцем полынью, в горячую синеву августовского неба с белыми холмами облаков на горизонте, в прохладные, обдуваемые ветерком тени под береговыми кручами осенних заводей — в эту разумно дающую человеку его матерью-природой красоту, прочную и постоянную, как истина и добро, хрупкую и слабую, как детская доверчивость.

Книги Закруткина просты высокой простотой, какой обладают крупные писатели. В них нет ни пышного украшения искусственных, штукатурных налепок, ни игривого расточительства материала, в них твердая и строгая архитектура мысли, бесстрашная высота чувства, мужество, беспокойство и ответственность солдата добра, всю жизнь вokuюще на передовых позициях.

Юрий БОНДАРЕВ.